

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ¹

Топонимия Вологодской земли представляет большой интерес и одновременно большой вызов для исследователей финно-угорской топонимии. Здесь обнаруживается топонимическое наследие целого ряда финно-угорских народов и народностей, при этом о большинстве из них уже приходится говорить в прошедшем времени. Сойдя со страниц истории, они оставили в память о себе множество топонимических загадок.

Ниже предложено три небольших топонимических наброска, этюда, из которых первые два предлагают некоторые подходы к анализу древних довепских топонимов Белозерья, в третьем на основе топонимических свидетельств реконструируется вепское прошлое территории верхней Суды.

Кубенское озеро

Предлагаемая здесь этимология была впервые опубликована несколько лет назад в одном малоизвестном издании (Муллонен 2002), поэтому я посчитала возможным воспроизвести здесь основные выводы, добавив к ним некоторые новые материалы, не попавшие в первое издание.

Название Кубенского озера таит в себе много загадок. Первая из них связана с тем, что первично — название озера или вытекающей из него реки Кубены. Если исходить из современного облика названий, то придется признать первичность речного наименования по отношению к озерному. Это не означает, однако, что так было исторически. В топонимии северной России есть множество примеров обратной зависимости. Наши поиски истоков топоосновы убеждают в том, что и Кубенское озеро входило в их число, т.е. река названа по озеру.

Даже на картах крупного масштаба отчетливо видна основная ландшафтная особенность озера — его значительная длина. При длине около 60 км ширина озера не превышает 15 км. Именно эта особенность послужила отправной точкой для этимологии. Внимание привлекло в этой связи мордовское прилагательное *kuvaka* (эрзя), *kэvaka* (мокша) 'длинный'. Оно отразилось в целом ряде топонимов как на современной, так и бывшей территории проживания мордвы. Показательны, к примеру, названия водных объектов Кувак, Кувакужка, Кувацкой, Кувековской, Кобака,

Кобяка, Ковакса и некоторые другие в бассейне реки Оки (Смолицкая 1976). При этом последние изыскания показали, что этимологически мордовское слово соотносится с хантыйским *koŋ*, а также саамским *guhkki* 'длинный' (< *kuwa-kka), что позволяет реконструировать древнюю финно-угорскую основу *kuwa 'длинный', которая в мордовском и саамском дополнялась суффиксальным оформлением (Aikio 2000). Именно к этому реконструированному финно-угорскому слову и восходит наименование - Кубенское озеро. Бибиальный *w* закономерно перешел в русской языковой практике в *b*. Со временем название озера закрепилось и за рекой Кубеной, дополнившись характерным русским речным суффиксом (ср. Сухона, Шексна, Кубена), а затем – уже в качестве речного наименования – вновь вернулось к озеру.

Перед нами, таким образом, финно-угорский топоним. К сожалению, атрибутировать название точнее, т.е. связать с конкретным финно-угорским языком, непросто. Понятно, что речь должна идти не о современных, но о древних языках/праязыках, послуживших основой для современных. Был ли это язык волжско-финского типа, родственный тем, которые, пройдя долгий путь, превратились в марийский, мордовский, мерянский? Или он был ближе к прибалтийско-финско-саамскому языковому типу? Видимо, определенную помощь оказало бы установление ареала топоосновы, что пока не сделано. Известно только, что в саамском виде – как *кук-* (Кукозеро) и *кукас-* (Кукаское озеро) она появляется на северном побережье Белого озера (Saarikivi 2005).

Озеро Ухтомъярское

На самом деле в заголовок этого этюда можно было бы вынести и реки Ухтому с историческим Ухтомским волоком, и Уфтюгу, и небольшую деревеньку Ухтину на водоразделе Киуя и Криуши на северном берегу Белого озера, и некоторые другие топонимы Белозерья, в которых закрепилась топонимная основа *ухт-*. Выбор озера Ухтомъярского связан с тем, что его название наиболее наглядно для этимологии.

Основа *ухт-* входит в число наиболее популярных у авторов работ по субстратной топонимии севера. К ней обращались многие исследователи, накопилась целая библиография работ и целый букет гипотез. Но поскольку выявляется новый материал, появилась необходимость обратиться к проблеме еще раз.

Предлагается проанализировать три существенных для этимологии момента: 1) топографическая характеристика, 2) ареал топоосновы, 3) фонетический облик ее.

Начнем с ландшафтной характеристики. Из оз. Ухтомъярского, расположенного на западном берегу Белого озера, вытекает р. Маттерка (на старых картах Ухтома) в оз. Андозеро, воды которого, в свою очередь, стекают в р. Шексну. Озеро Ухтомъярское, таким образом, находится в верховьях водного пути, и лишь незначительный по протяженности водораздел отделяет его от реки Тойцы, стекающей в Мегру и далее в Белое озеро. В этой цепочке показательно название реки Маттерка, в котором скрывается лимноним, т.е. название того озера, из которого река вытекает: прибалтийско-финское *Mattar < *Matkjarv 'волоковое озеро' (ср. элемент -яр- в Ухтомъярское < *Uhtomjdrv). Перед нами, таким образом, два названия одного озера: Ухтомъярское и *Mattar, из которых второе, этимологически прозрачное, могло быть переводной прибалтийско-финской калькой первого, т.е. топоосновы uht- и matk-, имеющие разные языковые истоки, могут быть семантически идентичны. Основа matk- в названии водораздельного озера (*Mattar) достаточно однозначно свидетельствует о том, что волок из бассейна Андоги на Белое море использовался в прибалтийско-финское время. Он, видимо, бытовал и в период древнерусской колонизации и сформировал ту известную по лингвистическим данным (Чайкина 1975:141) мощную языковую границу, тот барьер, который проходит по левобережью Андоги и отделяет "чудскую" Суду от славянского Белозерья. Славянская колонизация поднималась с низовьев Суды не вверх по реке, а уходила по притоку Суды реке Андога на восток, на оз. Ухтомъярское, а затем через волок на Белое озеро. Путь по Суде вел фактически в тупик, с верховьев Суды не было значительных выходов дальше. Поэтому эта река не особенно интересовала русских переселенцев. Неслучайно тут, в верховьях Суды, в непосредственной близости Белого озера, до последнего времени сохранялись вепские поселения (см. подробнее третий этюд в составе этой статьи). Путь, использовавшийся в период древнерусской колонизации, был известен и раньше, в прибалтийско-финское время, и тогда помечался основой matk(a) 'волок' (отсюда р. Маттерка). Но он мог существовать и еще раньше. Именно по этому водному пути с низовьев Суды на Белое озеро через оз. Ухтомъярское располагались в XV в. две волости — Вадбал и Андопал, в названиях которых отразилось древнее финно-угорское слово *pało (-бал, -пал) в значении 'поселение, село'. Исследователи склонны связывать его с волжскими финно-уграми, в частности, с мерей. Этот факт может рассматриваться как косвенное свидетельство использования волока довеппским населением. Раз волок использовался, он имел и

название. Логично в этом контексте предположить, что он маркировался тогда лексемой, закрепившейся в топооснове **ухт**-.

Идея о том, что в топооснове **ухт**- может скрываться слово со значением 'волок', не нова. Она предлагалась для обсуждения в свое время А. П. Афанасьевым, который исходил из угорской интерпретации, и связывал ее с мансийской лексемой **ахт** 'протока' и, пожалуй, более перспективной хантыйской **охгот**, **ухгут** 'перешеек между двумя речками, по которому перетаскивают лодки, волок' (Афанасьев 1976, 1979). При этом примеры проявления **ухт**- в топонимии фиксировались им преимущественно к восточному региону — к Приуралью. Эта интерпретация не нашла особой поддержки в последующих исследованиях. А. К. Матвеев, к примеру, в работах последних лет увязывает основу **ухт**- с приб.-фин. **ohito** 'медведь' (Матвеев 1996:16). Однако историко-географические обстоятельства, подтверждающие, что топооснова достаточно последовательно привязана к местам прохождения волоков, заставляют вернуться к мысли А. П. Афанасьева, хотя, может быть, и не искать ее подтверждения в угорском языковом источнике. Наши материалы дают новый поворот поиску, поскольку, во первых, отодвигают далеко на запад западную границу ареала **ухт**-. Помимо Белозерья гидронимы с этой основой известны в Обонежье и Беломорье (Муллонен 2002:208-215). Во-вторых, новые данные переводят поиск с уровня исключительно древних речных наименований на уровень относительно "молодых", а значит более доступных этимологизации (причем из более близких, чем угорские языки, источников) микротопонимов. К примеру, в восточном Обонежье, на озере Водлозеро, топооснова фиксируется неоднократно именно в микротопонимах.

Судя по ареалу распространения, простирающемуся от линии Белое море — Онежское озеро — Белое озеро на западе до бассейна Северной Двины на востоке и захватывающему верхнее Поволжье, топооснова **ухт**- могла восходить к языку исчезнувшего доприбалтийско-финского населения, распространявшемуся из Верхневолжья на север в период, предшествовавший прибалтийско-финской и русской истории региона. Что же касается более конкретной языковой интерпретации, то историко-фонетический анализ позволяет реконструировать ее финно-угорский облик в виде ***ukt**-. В соответствии с законами фонетического развития последний сохранился в пермских языках, о чем, между прочим, свидетельствует название реки Ухта на территории Коми республики. По коми она Уква < *Уктва, где -ва — характерный для коми-названий рек

основной элемент со значением 'вода, река'. В волжско-финских языках древнее финно-угорское сочетание согласных либо сохраняется (ср. р. Уктома), либо переходит в **uvt-**, которое может порождать далее **uht-** (ср. р. Уктома) в Поволжье. В восточных саамских диалектах происходит закономерная поздняя фрикатизация **k** в сочетании **kt** и превращение его в гортанный щелевой **h**, с чем согласуется название залива Охтокангская губа – Ohtkant на озере Имандра, оз. Ohtjaug и некоторых других на Кольском полуострове. Самое интересное в данной реконструкции – угорские данные, которые хорошо в нее вписываются и позволяют реконструировать в основе хантыйского **ухгт** или **охгт ф/у** праязыковое финно-угорское ***ukt**. Это не значит, однако, что **ухта** – это угорская топооснова. Приведенные выше топонимические данные говорят о том, что перед нами древняя финно-угорская лексема, которая сохранилась в обско-угорских языках, остальные же ее утратили. В саамском и прибалтийско-финских на смену ей пришла лексема **matka**.

Вепский след в топонимии Верхней Суды

В начале 2000-х годов в течение нескольких лет комплексная экспедиция под названием «По следам древних вепсов», организованная совместными усилиями Карельского научного центра РАН, Петрозаводского государственного университета и Петрозаводской консерватории, обследовала территорию современного и прежнего проживания вепсов. В рамках выполнения этого проекта состоялись и выезды в западные районы Вологодской области – Вытегорский, Вашкинский и Бабаевский. На основе собранного материала готовится исследование об истории, культуре и современности вепского этноса. Наши вологодские экспедиции показали, что освоение вепсами Онежско-Белозерского водораздела носило вторичный характер и происходило с запада, прежде всего, с рек Ладожского бассейна. При этом вепсы заселяли в прошлом практически весь водораздел. Современные вепские поселения на западе Вологодского края – это остатки бывшего целостного ареала.

Упомянутые процессы хорошо подтверждаются топонимическими данными верховий реки Суды, где наша экспедиция работала в в 2001 г. Река Суда образуется слиянием двух рек – Ножемы и Колошмы, к которому привязана территория двух современных русских сельсоветов – Верхнеконного и Кийнского, представляющая собой протянувшуюся более чем на 25 км цепь небольших деревень (Рис. 1). Ближайшие вепские села – Пяозеро и Шимозеро – находятся к северу.

Судя по карте землевладения Белозерского края конца XV в. (Копанев 1951), Суда с ее притоками была далекой малоосвоенной окраиной Белозерья. На реке отмечено в то время только два погоста: Колошемский (на реке Колошме) и Чужбой (на месте современного Борисово-Судского). При этом оба располагаются в верхнем течении реки, что необычно, если исходить из традиционного для заселения территории продвижения освоения с низовьев, но естественно, если предположить, что верховья Суды, точнее, ее верхние притоки Колошма и Ножема заселялись с северо-запада, с территории Заонежских погостов Обонежской пятины. Последние как раз были, исходя из материалов писцового дела 1496 г., хорошо освоены. Топонимия подтверждает данное предположение и показывает явную связь Верхней Суды с верховьями реки Оять, которая является рекой Ладожского бассейна и верховья которой населены носителями средневепского диалекта, представленного и в Вологодской области.

Топонимическим подтверждением связи с Оятью служит название озера Маткозеро, из которого вытекает река Колошма. Оно восходит к вепсскому слову **matk** 'путь, дорога', которое, как уже отмечалось в предыдущем разделе, традиционно использовалось в прибалтийско-финской топонимии для называния водораздельных озер, через которые проходил путь из одной водной системы в другую. Собственно, в топониме закрепилось древнее значение слова, которое первоначально означало не любую дорогу, а волок, т.е. сухопутный участок водно-волоковой дороги, перешеек между водными участками пути (SSA). Озеро Маткозеро отделяется от бассейна Ояти как раз таким 300-метровым перешейком. При этом информантам известно, что когда озеро весной переполняется, вода может вытекать не только в Колошму, но и в обратную сторону — в Оять. Логично предполагать, что именно через этот коридор осуществлялась связь между вепсами Ояти и бассейна Колошмы и именно с Ояти могло произойти заселение побережий Колошмы. Видимо, связь с Оятью поддерживалась на протяжении длительного времени. Характерно, что в семье одного из наших информантов из Колошемского погоста сохранилось предание о том, что его прадед был вепсом из Ладвы — села, расположенного в верховьях реки Ояти. Добавим, что описанным водно-волоковым путем и сейчас пользуются местные рыбаки и охотники.

С другой стороны, территория верхней Суды явно тяготела к южновепским поселениям верховий реки Лиди, протекающей на востоке Ленинградской области. Эта связь убедительно подчеркивается

использованием в деревнях Колошмы и Ножемы этнонима чухари, характерного в качестве названия вепсов и для более западных территорий по рекам Лиди и Колпи. В то же время известный в этой роли в регионе Белозерья этноним **кайбаны** здесь практически не известен. Его знают лишь в деревнях Нижнего Конца, куда он проник вверх по Суде, не получив, однако, распространения на ее верхних притоках.

Поселения нижней Колошмы и нижней Ножемы являются сейчас русскими, однако вепское прошлое их хорошо подтверждается топонимическим материалом. Вепские наименования присущи многим наиболее важным, крупным, существенным с точки зрения хозяйственного использования географическим объектам. Так, обширное угодье при слиянии рек Колошмы и Ножемы, на мысу, где прежде стояла церковь, носит название Нем, имеющее явные вепские корни: вепс. **nem** 'мыс, полуостров'. В свою очередь, название хутора Чурой указывает на ручей, при котором поселение находилось: вепс. **Cur/oja** 'песчаный ручей'. Название поля Совери, располагающегося по краю Соверского болота, восходит к вепскому **sover** 'край болота', а в названии лесного кордона на р. Курба Парча закрепилось вепс. **parzcom** 'строевой лес'. Вепские истоки имеют и некоторые ойконимы, т.е. наименования поселений, среди них содержащиеся в основе вепское личное имя или прозвище Керчаково, известное в вепском варианте Ногсак (вепс. **hogsak** 'сильный, здоровый человек'), Янишево (вепс. **janis** 'заяц'), Кябелево (вепс. прозвище **Kabal** 'лапа(животного)' и др. Вепское прошлое ряда деревень данной местности подтверждается и письменными свидетельствами. Так, в начале XX в. известному финскому лингвисту Е.Н. Сетяля вепсы, проживавшие в верховьях реки Капши, рассказывали, что в деревнях по Колошме проживает вепское население, и перечисляли вепские наименования некоторых из этих деревень (Tunkelo 1946:8-9). А в середине 1960-х годов в д. Керчаково удалось записать образец вепской речи от одной из последних носителей вепского языка этого ареала (Зайцева, Муллонен 1968). Большинство наших информаторов старшего поколения из Нижнеконного сельсовета, а также из куста поселений Ножема рассказывали, что их родители в довоенное время еще говорили по-вепски («по-чухарски»).

Насколько позволяет судить топонимический материал, толщина вепского пласта в топонимии низовий Колошмы и Ножемы колеблется. Если в Верхнеконном сельсовете, особенно самых верхних по течению реки деревнях, а также в кусте поселений Ножема вепские названия

составляют костяк топонимии, при этом в некоторых названиях даже сохраняются вепские особенности в произношении (ср. Хейпожня в Янишеве или Хамаяшка в Верхнем Конце, в которых начальный вепских "h" еще не полностью ассимилировался русским языком фонетически и не приобрел огласовку "г", характерную для Белозерья), то в деревнях, расположенных между этими двумя полюсами, вепский пласт в топонимии значительно более размыт. Наиболее русским по топонимии является куст поселений Нижний Конец, располагающийся ниже слияния рек Колошмы и Ножемы, при верховьях Суды.

Понятно, что в создании такой ситуации немаловажную роль играли связи с соседними вепскими поселенческими центрами. Так, жители Верхнего Конца до сих пор сохраняют брачные и родственные связи с жителями расположенных в 25 км на запад деревень Ленинградской области - Саньков Бор и Красный Бор в верховьях р. Лидь и являющихся южновепскими с точки зрения языковой характеристики поселениями. До недавнего времени существовали и праздничные связи. Показательно, что 25-километровый путь до южновепских деревень не был в прошлом столь пустынен как сейчас. Множество мест вдоль этой дороги (сенокосные угодья, бывшие хутора, лесные угодья, болота, броды на реке и т.д.) имеют свои названия, что свидетельствует об активном их использовании. Достаточно хорошо "топонимически" проработана и водная дорога вверх по Колошме к ее истокам из Маткозера, что может говорить в пользу связей с приоятскими вепсами. Аналогичная ситуация в Ножеме (куст из девяти поселений в низовьях р. Ножемы, при слиянии ее с Колошмой). Ножема очень прочно связана с вепским Пяжезером — как брачными и праздничными связями, так и общими топонимными моделями. Так что лучшая сохранность вепского пласта в языке и культуре Верхнего Конца и Ножемы, видимо, в значительной степени определялась связями со смежными вепскими центрами. Точно так же более четкий русский облик Нижнего Конца вызван не в последнюю очередь связями с русскими поселениями Суды, расположенными вниз по течению от Нижнего Конца.

В низовьях Колошмы и Ножемы существовала, таким образом, интересная ситуация: в то время как западный край этой протянувшейся на два с лишним десятка километров цепи поселений был связан с южными вепсами — жителями современного Бокситогорского района Ленинградской области, ее северо-восточный конец напрямую контактировал с пязозерскими вепсами, носителями среднего диалекта. Можно с достаточной долей уверенности полагать, что именно здесь проходил тот

коридор, через который некоторые характерные южновепские элементы проникли в говор Пяжозера, а через него и в Шимозеро.

В топонимии описанного района полностью отсутствуют традиционные русские топоосновы и топонимные модели. Совершенно очевидно, что верховья Суды оказались в стороне от активной русской колонизации раннего времени. В то же время здесь не обнаружено и достаточно показательных ранних вепских топонимных моделей (например, отсутствует -l-овая ойконимная модель, которая известна как на Ояти, так и в южновепском ареале), т.е. этот регион, видимо, долго оставался в стороне и от вепского освоения.

Литература:

Афанасьев А.П. “Волоковая” лексика на водных путях Поволжья и Европейского севера // Топонимика и историческая география. М., 1976. С.21-26.

Афанасьев А.П. Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Топонимика на службе географии (Вопросы географии. Сборник 110). М., 1979. С.56-63.

Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепской речи. Л. 1968.

Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV-XVI вв.М.;Л. 1951.

Матвеев А.К. — Субстратная топонимия русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. №1. С.3-23.

Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноисторического контактирования. Петрозаводск. 2002.

Муллонен И.И. Топонимический материал в лекционном курсе «Введение в финноугроведение» // Научные издания московского Венгерского Колледжа II/1. М., 2002. С.85-96.

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М., 1976.

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда. 1975.

Aikio Ante 2000 – Suomen kauka // Virittaja. 2000. № 4. S. 612-614.

Saarikivi J. Uber das saamische Substratnamengut in Nordru?land und Finnland //Finnisch-Ugrische Forschungen 58. 2005. S. 162-234.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1 – 3. SKST 556. Helsinki 1992 – 2000.

Tunkelo E.A. Vepsän kielen aanehistoria. 1946.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта Академии наук Финляндии, № SA 208153 и программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

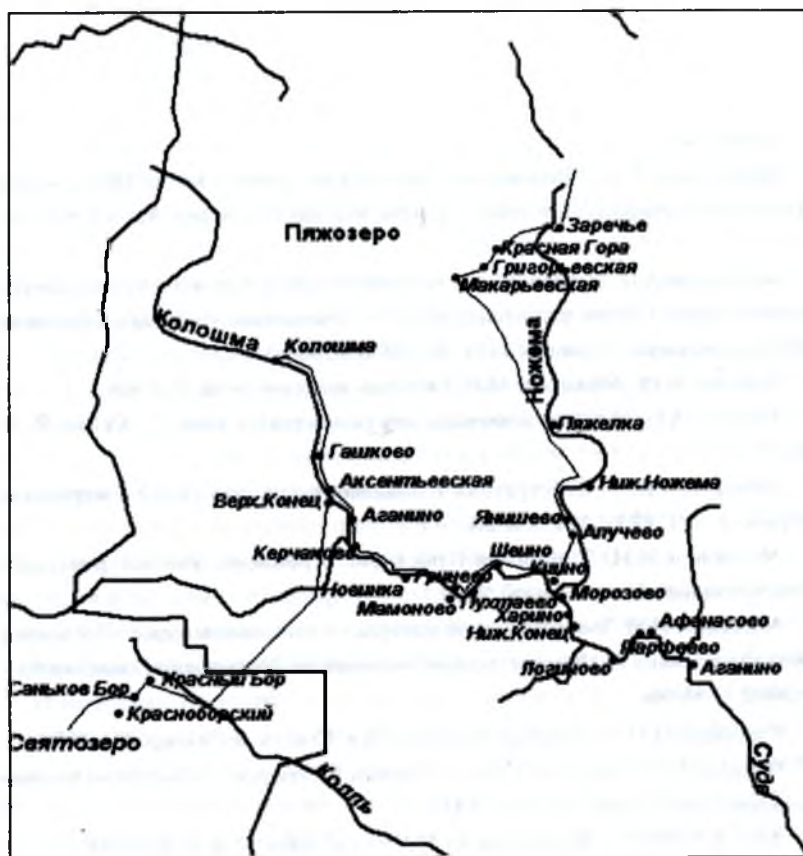

Рис. 1 Поселения верховий р. Суда